

Валерия Лагутина

# ИГРЫ БОГОВ

Любовь, ненависть

и месть



18+

18+

Валерия Лагутина

**Игры Богов. Любовь,  
Ненависть и Мечь**

«Автор»

2020

## **Лагутина В.**

Игры Богов. Любовь, Ненависть и Мечь / В. Лагутина —  
«Автор», 2020

На заре человечества на земле терпит крушение космический корабль. Прошли тысячелетия. Люди научились строить жилища и ковать оружие, благодаря Богов за посланные им блага. И вот родился тот, кто, опираясь на помощь загадочного Шамана, решил завоевать весь мир. Но такой ли бескорыстной будет эта помощь? Или могущественные помощники преследуют свои, совсем не мирные цели?

© Лагутина В., 2020

© Автор, 2020

## Глава 1

К тому времени, когда Ратибор впервые увидел Йорку, армия тургар достигла невероятных размеров. Дисциплинированная, владеющая всеми видами оружия и всецело подчиняющаяся своему Каюм – баши, она только и ждала его приказа, что бы начать победоносный поход на запад.

Но Теймур терпеливо ждал.

Наслушавшись рассказов Курдулая о великолепии и богатстве фригийского двора, первой целью его тщеславных замыслов стало завоевание это прекрасной страны. Но, понимая, что они совсем не похожи на диких горцев и хитрых, но щедушных кефалийцев, Теймур не торопился к новому походу. Наверняка, их армия так же достаточно сильна, как и тургарская и одолеть её можно только внезапно, одновременно атакуя со всех сторон, в том числе и с моря. Именно поэтому он договорился с северными балтами о строительстве на его верфях могучих кораблей и обучении тургар морскому делу. Наивные северяне, сами не подозревая того, погнавшись за лёгким рублём, не знали, что, согласившись на это, сами готовили себе дальнейшую гибель.

Тысячи рабов трудились на южных вервях, строя огромные корабли для похода по морю. Караваны купцов везли в степь выменянные на драгоценности кефалийцев стальные доспехи и оружие. День и ночь тренировались молодые тургары под руководством опытных наставников, мечтая о богатстве и славе. Сотни групп самых ловких и пронырливых воинов месяцами тайком рыскали по диким землям, собирая ценную информацию о населяющих северо-западные земли племенах.

И вот однажды, накануне вечером одна из групп вернулась, приведя с собой несколько белолицых пленников с волосами цвета пшеницы.

В большой юрте, оббитой красной тканью, на подушках восседает заметно повзрослевший Теймур и, безучастно наблюдая за полуголыми танцовщицами, эротично извивающимися своими телами, Ку курит длинную трубку. Теперь он уже не тот юноша, мечтающий о славе и войнах.

Заметно повзрослевший и ещё более окрепший, он стал эталоном той мужской красоты, о которой тихо мечтают девушки, вздыхая украдкой по ночам в подушку. Высокий и крепкий, с аккуратной короткой курчавой бородкой и узкими глазами, сверкающими голубизной из под густых бровей, он невольно приковывал к себе мимолётные, боязливо брошенные взгляды танцовщиц.

И только увешанная массивными драгоценностями Хайна, сидящая по правую сторону от правителя с ёрзающим на её руках мальчиком лет семи, казалось, не обращала на него никакого внимания. Безучастно наблюдая за пиршеством, молодая женщина чувствовала себя чужой на этом празднике и сверкающее на ней золото тяжким грузом давило на грудь. Как хотелось ей сбросить невидимые оковы и улететь свободной птахой в просторную степь! Туда, где такой счастливой и беззаботной она была всего лишь несколько лет назад!

Оставшись в когане после смерти отца, она хотела лишь одного: спасения от жестокой участи матери и брата, но очень скоро поняла, как горько ошибалась. Мать, так и не вынеся потери мужа, быстро чахла и в скорости умерла, а Алгашик... Хайна так и не смогла понять, как быстро он вырос и изменился! Как Теймур сумел вырвать детство из её брата и превратить в одного из лучших своих воинов? Каюм, словно пытаясь ещё больше ударить по чувствам Хайны, всё больше и больше приближал к себе её брата. А тот, совсем ещё наивный по своим летам, дурачок, кичился своим положением и пытался учить сестру: «Не понимаешь ты, какое счастье тебе досталось! Ну, кем бы ты была со своим Куяшем? Простой пастушкой! Одной из многих! А теперь ты – первая женщина в степи, мать наследника Великого Каюма! Что может

быть лучше? О тебе слагают песни и никто не осмелится послушаться твоего приказа». И действительно, после рождения сына жизнь Хайны резко изменилась. Все не только почтительно кланялись при встрече с ней, но и наперебой старались угодить, услужить ей. Женщине даже становилось неловко, когда, уронив платок, она, не успев и наклониться, что бы поднять его, видела, как к ней тут же подбегали несколько человек и, вырывая его друг у друга из рук, старались первыми подать его. Даже Теймур, бывший с ней иногда несносно груб и, порой, даже жесток, стал более ласков и терпим. И порой, в моменты его игр с сыном, женщина с удивлением замечала в его глазах проблески той самой детской чистоты, которая и привлекла её внимание когда-то в далёком детстве.

Несколько музыкантов, сидящих у стены между небольшими очагами с огнём и методично отбивающих ритм, стуча по бубнам и барабанам, замолчали: в юрту вошёл Курдулай – военный советник и друг Теймура.

– Великий Каюм! Твоя армия готова к славному походу, – величественно произнёс он, присев на одно колено.

Каюм одобрительно кивнул головой и жестом пригласил военачальника присоединиться к столу.

И Хайна увидела два открывшихся на красной стене круглых чёрных глаза со сверкающими белизной белками.

Шаман.

Ещё больше, чем Теймура, женщина ненавидела именно его.

С его приходом в степь пришла жестокость.

Его появление изменило друга её детства.

Смерть и разрушение принёс этот незнакомец в её родной коган.

Шаман медленно отделялся от стены, поворачивая голову в разные стороны, и разворачивая руки наружу чёрными ладонями, стал медленно поднимать их.

И все наблюдаю, как в его плавно вращающихся руках появляется голубой, сверкающий, прозрачный шарик. Медленно отходя от стены, Шаман встаёт между Каюм- баши и Курдулаем, активно жестикулируя, тем самым увеличивая Шар в размерах. Расширяясь всё больше и больше, он начинает медленно крутиться, разматываясь в прозрачно – сверкающее полотно, зависающее посередине помещения от пола до потолка. И Хайна (да и все прочие) с ужасом наблюдает возникающие на нём картины сражений, бегущих от пожаров людей, растерзанные тела убитых...

– Великие победы ждут тебя, каюм, в этом походе, – монотонно произносит Шаман. – Многие народы сгинут в пламени твоего пожара, и ещё большие покорятся.

Розовую гладь спокойного моря обрамляет белая полоска песчаного берега. Редкие пальмы на высоких стройных ножках методично качают зелёными головками с широкими, словно резными, листьями. По раскалённому песку на берегу моря весь день ходят измождённые от жары рабы с корзинами, полными железной руды. По всему берегу растянулась тонкая вереница почерневших от палящего солнца тел с выпирающими от обезвоживания рёбрами похожих на скелеты молчаливых людей. Несмотря на толпы народа, зловещая тишина окутывает берег. И только шум прибоя да редкий свист хлыста с отчаянными криками боли разрезают тяжёлый от зноя воздух.

Между дальними холмами, сопровождаемый гулким топотом, высоко вздымается песок, рассыпаясь в горячем воздухе. Словно лавина, плотным облаком движется он в сторону разноцветного шатра, стоящего поодаль от воды в тени маленького оазиса. Красные кисточки шапочек и жилистые ноги лошадей, подкованных сверкающим на солнце железом, бросают свои блики сквозь песчаные тучи.

Небольшой отряд всадников – халибов с яростными криками вырывается из – за холмов и, разбрызгивая розовую морскую пену, несётся по краю воды, одним своим видом пугая и без того напуганных рабов. Почувствовав прохладу воды, животные с наслаждением проносятся мимо работающих людей и поворачивают в сторону шатра, из которого им навстречу выкатывается толстенький, уже знакомый нам главный смотритель Аслан и падает на колени лицом низ.

Первый всадник резко тормозит перед ним, подняв скакуна под узды прямо над телом распластавшегося смотрителя:

–Моему господину нужны рабы для галер.

Предводитель легко прыгает на песок и, похлопав блестящий чернотой бок скакуна, идёт в сторону рабов. Отряхиваясь от песка, за ним семенит и толстяк.

–И мастер по художественной ковке. У тебя, кажется, был такой?

Смотритель кивает, давая за спиной всадника указания надсмотрщикам, и те выстраивают рабов в шеренгу:

– Есть. Куда ж ему деться? И был и есть. А господину – то он зачем?

–Не твоё дело. Этот, – указывает предводитель на высокого крепкого, ещё совсем не исхудавшего, раба и надсмотрщик выталкивает его из строя.

–Чего они тощие такие? Ты что их не кормишь?– поворачивается халиб к смотрителю.

Взгляд узких, заплывших жиром глаз толстяка начинает испуганно бегать из стороны в сторону:

– Как же нет? – показывает он кулак за спиной гостя рабам, – да жара такая, что и жрать – то не хочется.

Предводитель гневно поворачивает голову и упирается взглядом в глупо улыбающегося смотрителя:

– Выбери сам, кто по – свежее. А я пойду, прилягу. Ты же не будешь против, если я займу твой шатёр? И этого, из кузни, приведи, – и халиб поворачивает к шатру, около которого на песке под тенью пальм уже расположился его отряд.

Смотритель, поклоном проводив нежданного гостя, машет руками в сторону надсмотрщиков:

–Эй, ты, выбери, которые из недавних, да что б покрепче и этого, Немого, давай, – и быстро перебирая короткими ножками, бежит в сторону оазиса, на ходу махая своим личным слугам:

–Фрукты там, вино несите, да шевелитесь вы! Совсем олухи, обленились!

Слуги начинают быстро сновать, выполняя поручения хозяина, а тот, догнав гостя, запыхавшись, отчитывается:

– Приведут. Самых лучших приведут. А вы пока отдохните, освежитесь с дороги, – и распаивает перед халибом полог шатра.

«Вот незадача, – с сожалением думает он. – Гости в скором должны быть. Не дай, господи, им столкнуться!» Нечистый на руку Аслан, пропустив халиба в перёд себя, озабоченно покусывает губы и крутит во все стороны бегающими глазками, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации. И действительно, ему было чего опасаться. В тайне занимаясь поставками оружия «налево» он понимал, что сильно рисковал. Не дай боги, что бы господин что-то узнал! Тогда прямая ему дорога в оковы на галеры. Или голова с плеч, что было бы, конечно же, лучше галерного рабства. Нет, надо заканчивать с этим. Что бы спокойно и в достатке дожить оставшийся ему срок где-нибудь в уютном домике на берегу среди пальм в окружении знойных красавиц. Накопил – то он уже больше, чем достаточно. Нужно просить господина об отставке, пока голова цела. А то последнее время зачастили к нему гости, не дай боги, пронюхают чего. И тогда... Ой – ей, хоть бы хоть раз припозднились.

При этих мыслях у Аслана выступила сильная испарина и он, глубоко выдохнув, судорожно вытер её рукавом цветастого халата.

Лёгкая прохлада и полумрак окутали предводителя, и он с наслаждением плюхнулся на шёлковые подушки и вытянул ноги. А хозяин так и остался стоять у входа, смиренно сложив руки на груди и опустив голову.

Через мгновение в шатёр один за другим пришли слуги с кувшинами вина, с подносами с фруктами, сладостями и пышными белыми лепёшками.

– Сам – то жрёшь, ничем не отказываешь, – констатировал гость, отрывая от грозди сочные виноградинки, – А девок, случаем, не найдётся?

– Ну как же, – кивает хозяин, понимая, что, если в срок приедут его покупатели, занятый делом халиб точно ничего не узнает, а уж с его то людьми он сумеет договориться и обрадованно спрашивает, – беленькую, чёрненькую? Хотя господин, наверное, устал с дороги...

Намекая на больное место всех мужчин, Асан слащаво смотрит на него, трепетно ожидая услышать желаемое: « Уж вдвоём-то они доведут его до изнеможения. Не станет по берегу шастать".

– Давай обоих, – машет рукой халиб, оскорблённый словами этого маленького человечка, усомнившегося в его силе и выносливости, – и вали уже отсюда.

Ещё раз поклонившись, довольный своей находчивостью смотритель спиной выходит из шатра. Предводитель слышит на улице лёгкий шум и шёпот и вскоре к нему заходят две стройные девушки, негритянка и славличанка, в лёгких полупрозрачных покрывалах, через которые просвечиваются обнажённые тела.

## Глава 2

Яркие звёзды маленькими маячками светят с неба на тёмное полотно дремлющей степи с колыхающимися на ней огоньками костров, вокруг которых сидят воины-тургары, молча ожидающие приготовления вертящейся над ними дичи.

Горчащий запах палёного мяса разносится по степи, вызывая волнение у спрятавшихся в темноте волков, чей голодный вой то тут, то там слышится уставшими воинами.

Чуть поодаль от костра, у вкопанного в землю высокого столба сидят прикованные к нему цепями несколько пленников в изодранной одежде. К ним-то и подходит возникший ниоткуда Шаман, развевая длинным свободным одеянием кроваво- красного цвета.

Он молча обходит людей, внимательно всматриваясь в их лица, и останавливается около одного, подзывая пальцем воина.

– Этот, – указывает он на пленника пальцем и воин, отвязав его цепь, тащит несчастного к большому плоскому камню позади стойбища.

Вокруг камня в землю воткнуты несколько факелов и Шаман, слегка дотронувшись до каждого из них пальцами руки, зажигает их, чем вызывает одновременно ужас и уважение воинов, тащащих пленника.

Беднягу кладут на камень, крепко держа сопротивляющиеся руки и ноги и Шаман, тихо бормоча непонятные воинам слова, обходит вокруг приговорённого, плеская в его сторону вонючий раствор, и пленник затихает, бессильно опустив ставшие ватными конечности.

Подняв руки в сторону наблюдающей за ним луны и уныло завывая, Шаман начинает раскачиваться из стороны в сторону всё быстрее и быстрее, пока неожиданно не замрёт с выпученными, обращёнными к небу белками глаз и, достав из складок одежды огромный нож, одним точным движением не распорет грудину несчастного.

Среди ароматного дыма, на мягких шкурах, покрытых шёлковыми простынями, ничуть не стыдясь своей наготы, лежит Теймур. Обнажённые наложницы ласкают его мускулистое тело, намазывая маслами и благовониями.

Другие девушки в чуть-чуть прикрывающих бёдра повязках, исполняют неистовый танец с бубнами.

Каюм поднимается, подходит к одной из них, невысокой рыжеволосой смуглянке с луноликими распахнутыми, словно от удивления, глазами и хватает рукой за развевающиеся в танце волосы. Затаив дыхание, девушка чуть отстраняется от него, но Теймур грубо приближает к себе её лицо, сверху в низ в упор смотря на покрасневшее от танца лицо с капельками испарины на висках. Под его властным взглядом девушка испуганно опускает глаза, и сердце начинает биться ещё сильнее, поднимая упругую грудь.

–Ты будешь этой ночью со мной, – говорит ей мужчина и толкает в угол юрты на застланное шёлковым покрывалом ложе.

Ритмичные удары тут же замолкают и танцовщицы, сдерживая дыхание, молчаливой стайкой выбегают, оставив каюма наедине с избранницей.

–Откуда ты?– спрашивает мужчина, поворачиваясь к тяжело дышащей то ли от страсти, то ли от испуга девушке. – Твои глаза ... Какого ты племени?

–Мой отец, – начинает танцовщица, наблюдая, как каюм ложится на кровать и, собирая коленками складки покрывала, приближается к ней, – мой отец был фригом, а мама ...

Девушка замолкает, почувствовав, как бёдра мужчины зажимают её ноги, а его руки с силой заходят в маленькую узкую ложбинку между ними.

–Почему ты замолчала?– как ни в чём не бывало, спрашивает Теймур, не прекращая своих действий.

–Мама, – сглотнув подступивший к горлу ком, продолжает девушка, созерцая, как плоть каюма набухает и принимает устрашающие размеры, – она ... из тургар.

–Ты боишься меня?– увидев испуганные глаза девушки, снова спрашивает Теймур и, вытащив руку, приближается ближе к её лицу, продолжая зажимать между своих ног её тонкое тело и вытянутые вдоль туловища руки.

Видя приблизившийся почти в плотную к ней член каюма, девушка испуганно кивает и только успевает открыть для ответа рот, как он заполняется возбуждённой плотью.

Вскинув глаза, девушка видит закрытые в сладострастии глаза владыки, его тяжело дышащую грудь и чувствует в своём горле сильные толчки инородного тела, мешающие ей дышать. Задыхаясь, она начинает нервно дёргать зажатые каюмом руками и её острые ноготочки в кровь царапают его бёдра, нанося тонкие полосы.

Почувствовав это, Теймур открывает глаза и, видя извивающееся тело девушки, прерывает своё занятие. Но, едва успев вдохнуть глоток воздуха, наложница оказывается перевёрнутой лицом в мягкие подушки и кричит от острой боли, разрывающей её нутро от входящей между ягодиц плоти.

Если бы в этот момент её глаза были у неё на затылке, она бы увидела звериную маску, искажившую лицо владыки, его бешено сверкающие глаза, крупные капли пота, покрывающие мускулистую грудь и наверняка не смогла бы узнать в этом насильнике того красавца – каюма, о котором мечтали все девушки когана.

Несколько бурных толчков, извергающих сильное семя и...

–Твой ужин, владыка,– неожиданно раздался голос Шамана и девушка, почувствовав, как инородное тело покинуло её, обмякла и обессиленно опустила голову.

–Твой ужин, владыка, – повторил Шаман.

Краем глаза девушка увидела, как Теймур подходит к стоящему в центре юрты с закрытым платком подносом в руках Шаману.

Сбросив платок, каюм берёт в руки человеческое сердце, внимательно рассматривает со всех сторон и, обмакивая палец в кровавую лужицу под ним, изрекает:

–Надеюсь, твой хозяин был храбр и смел.

–В его глазах горел огонь, а сердце билось ещё долго, – подтверждает Шаман и каюм довольно улыбается:

– Думаю, ты будешь рад отдать свою силу владыке степей, – и жадно кусает кровоточащую плоть.

Струйки алой жидкости потекли по курчавой бородке, каплями падая на ворсистый ковёр.

Подбежавший тут же пёс стал жадно слизывать кровавое пятно, расплзающееся по полу и, доброжелательно подмахивая хвостом, заскулил и поднял на хозяина влажные глаза.

Проглотив последний кусок, Каюм, закрыв глаза, сглотнул и, наклонившись к собаке, потрепал её по длинной гладкой шерсти.

Лизнув ласкающую её руку, собака развернулась и побежала следом за позвавшим её Шаманом, надеясь на сладкий ужин.

Далеко за песчаными холмами, вихляя между зелёных пальм и цветущих кустарников, извилистой голубой нитью впадает в Розовое море могучая Рея. У самого устья недалеко от деревянного причала, уходящего ступенями в самую воду, стоят со спущенными парусами несколько кораблей.

На берегу, пестрящем от разнообразия восточных товаров, идёт бойкая торговля. Приобретённые на севере меха и мёд с лёгкостью меняются на тонкие ткани и шерсть, сочные фрукты и сладкое вино и тут же грузятся на корабли.

У тюков с шерстью спорят два купца, в одном из которых без труда узнаётся хитрюга Торвальд. Он с сомнением трёт руками комок белоснежной шерсти и качает головой:

– Зачем обманываешь? Волос то жёсткий, совсем не фригийских овец.

Купец обиженно разводит руками:

– Э-э, дорогой! Зачем мне тебя обманывать? Неделю, как по холмам бегала, сам видел!

– Так уж и сам?– усмехается Торвальд.

Он сразу понял высокое качество товара, но слишком жалко было отдавать и такую же высокую цену. К тому же, природная, вскормленная с молоком матери, страсть к торгу давала о себе знать, и хитрюга демонстративно отвернулся от товара, делая вид, что у него пропал интерес.

Собеседник, не желая упускать выгодную сделку, хватая купца за рукав халата и сладко напевает:

– Э-э! Дорогой! Только ради нашей дружбы...

Однако, Торвальд со скучающим выражением, показывая всем своим видом о пропавшем к товару интересе, отворачивается от купца и, вроде бы как, хочет уйти. Но тот приобнимает его за плечи и сладко напевает на ухо:

– Так и быть, только для тебя, по монете с каждых двух амов?

– С каждого ама, – настойчиво твердит Торвальд и делает вид, что собирается уходить.

– Ну, хорошо-хорошо, уговорил, – с неохотой соглашается торгаш, – себе в убыток отдаю. Полтора ама и...– оглядывается купец, – этого раба в придачу, – указывает он на Немого.

Немой, увидев уже давно забытое славянское лицо северянина, подбегает к Купцу и с надеждой смотрит на балта.

–Ты снова хочешь надуть меня?– возмущается Торвальд, – зачем мне раб? У меня своих – вон сколько!

Купец подзывает раба к себе, хлопает его по плечам и груди:

–Смотри, какой крепкий! Он гораздо больше стоит, на больших торгах дороже продашь!

Торвальд приподнимает голову Немого за подбородок, смотрит в его ярко-голубые глаза:  
–Откуда ты? Славлич? Балт? – спрашивает он мужчину, но тот жестами показывает, что не может говорить и купец с возмущением поворачивается к коллеге:

–Ты что, бракованный товар мне подсовываешь? Он же немой!

–Да я... – начинает озадаченный торговец, но его прерывает грозный окрик одного из халибов, направляющегося прямо к ним:

–Эй! Этот не продаётся! Давай его сюда!

–Да, иди, иди, – толкает Немого Торвальд и поворачивается к купцу:

–И как не стыдно! Ну, вот как тебе верить? А?

Немой, грустно посмотрев в сторону купцов, вздыхает и медленно бредёт к окликнувшему его халибу. Последняя надежда, так неожиданно мелькнувшая в его серой жизни, так же моментально и испарилась, как холодная снежинка из забытого детства растаяла когда – то на его тёплой ладони.

–Ладно, – сплюнув в сторону раба, машет рукой смущённый такой незадачей купец, – давай с каждого ама. По монете. Но больше не проси! Не скину!

На палубы аккуратными рядами складываются тюки с шерстью и шёлком и закрепляются вокруг мачты верёвками. Колотун бьёт несколько раз в свой барабан и Капитан отдаёт первый приказ. Надуваются полной грудью поднятые паруса и, подгоняемые лёгким ветерком, корабли начинают заключительный отрезок пути до столицы Фрикии.

На одном из них в тёмном сыром трюме среди прочих рабов сидит Немой, поникший от мыслей о несбыточной мечте. Мохнатые ёлки, укутанные белоснежными шубами, зимним вихрем воспоминаний проносятся в его голове. Замёрзшие ягоды рябины кровавыми каплями нависают на заледенелых ветках заснеженных кустов. Бескрайние васильковые поля и кудри белоствольных берёз...

Родина. Такая холодная и далёкая, но такая прекрасная и любимая. Как бы он хотел после жаркой мовны прокатиться по мягким сугробам, ощущая приятные покалывания тысяч ледяных иголок по всему разгорячённому телу! А потом, со всего разбега, с головой окунулся в выдолбленную речную прорубь и проплыл под тонкой ледяной корочкой! А затем... ощутить тепло маминых рук, заботливо укутывающих его в мохнатые шкуры.

–Чего лыбишься? – грубо толкает Немого сидящий рядом раб.

Немой открывает веки и видит обозлённые на весь мир глаза уставшего от жизни, законного в цепи атлета.

Ему не понять. Да, не понять. Можно потерять свободу, родных, человеческий облик. Но оставить самое ценное, что есть у человека – его человечность. Казалось бы, нечеловеческие условия должны были озлобить Немого, сделать его жёстким и грубым. Но нет. Наоборот. Они ещё больше закрепили его дух и желание остаться человеком. Человеком с большой буквы. И именно это и отличает сильного от слабого, а не величина мышц и не умение владеть мечом.

–Чего лыбишься? – повторил вопрос атлет, гневно сверкнув глазами. Ему явно хотелось выплеснуть на кого –нибудь свою злобу от своего незавидного положения и сидящий рядом заросший худой раб очень хорошо подходил для этого.

Немой просто промолчал, отвернулся и закрыл глаза, которые не открыл даже тогда, когда почувствовал сильный удар атлетического соседа в свою ногу:

–Ты глухой, что ли?

Белые облака и ласковое солнце, совсем не такое, как в этих проклятых песках...

–Эй! – даже окрик надсмотрщика в сторону злобного раба не заставил Немого прерваться от своих прекрасных мыслей, – у тебя будет возможность на арене доказать свою силу, – щелчок кнута у самого уха атлета заставил его наконец – то смириться и замолчать.

### Глава 3

Вереницей идут рабы по каменным ступеням морского причала к сияющим своей мраморной белизной воротам, ведущим в город. Важно выпятив накаченную грудь, первым идёт атлет, явно любуясь своей фигурой и выставя её на показ. За ним, оглядываясь на разгружающих товар балтов, семенит Немой, а дальше – ещё несколько несчастных с рудников.

– Живее, живее, – слышит Немой, как торопит своих людей Торвальд, – в скором приёме у Владыки. Вы знаете, сколько я добивался этого? Быть представленным ко двору? Да осторожнее, ты!

Балты аккуратно выносят с палубы сундуки и грузят их на стоящие на пристани повозки с запряжёнными в них странными животными с огромными длинными ушами, похожими на маленьких лошадей.

Малыш и Дохлый, опираясь о борт корабля, внимательно наблюдают за процессом разгрузки.

– А что, говорят тот Владыка, огромный, как та гора? – кивает Дохлый в сторону дальних вершин.

– А бес его знает! Может и так, хотя сомневаюсь. Это сколько же на такого жрачки надо? Нет. Враки всё это.

– Вот бы посмотреть, – вздыхает Дохлый.

– Куда тебе! – смеётся Малыш, – ни рожи, ни кожи, а ту да же! Знаешь, сколько наш, – кивает он в сторону Торвальда, – этого приёма добивался? Нужные связи искал, тропинки прокладывал?

– А тропинки – то зачем? – удивляется Дохлый и смотрит на собеседника.

Малыш на мгновение замолкает, а потом разрождается громким хохотом и так бьёт кулаком в тощую грудь друга, что тот чуть не падает:

– Вот ты!.. Темнота ты... Это ж типа. Ну, вроде как... да ну тебя! Подростёшь- поймёшь, – и, насвистывая весёлую мелодию, запрятав пальцы рук за широкий пояс штанин, в развалочку идёт к трюму, бормоча себе под нос, – хотя куда тебе ещё расти? И так каланча каланчой. Ему б мозгов побольше. А то дурень дурнем.

– И чего это он? – Удивлённо пожимает плечами Дохлый и недоумённо чешет лоснящуюся лысину затылка, – вроде ничего такого. И спросить – то нельзя. Сразу кулаками машет.

По каменистым улочкам столицы на роскошных носилках, расписанных золотом, в сторону пристани едет красавица Айса, облизывая пухлыми губами сладкий сок надкусанного апельсина. Недалеко от ворот рабы ставят на землю носилки и помогают ей выйти на улицу. Обмахиваясь перьевым веером, женщина осматривается по сторонам и задерживает взгляд на веренице рабов, идущих через ворота. Отбросив в сторону недоеденный фрукт, который тут же подобрал подбежавший невесть откуда взявшийся мальчишка, Айса направляется прямо к ним, навстречу к бегущему ей навстречу надсмотрщику, придерживающему рукой бьющую по бедру саблю.

– Ну? – нетерпеливо спрашивает женщина, – привезли?

– Как и велели, госпожа, – низко кланяется мужчина и ведёт её к стоящим поодаль рабам.

– Хорош, – улыбается Айса, похлопывая раба – атлета по мощной груди, – у владыки сегодня игрища, – обращается она к надзирателю, – думаю, он подойдёт. Отличный подарок ко двору!

Мужчина кивает головой и указывает на Немого:

– Это тот самый, по железу.

Женщина равнодушно проходит мимо, небрежно бросив на ходу:

– К ювелиру его, который на площади. А этот, – одобрительно кивает она на следующего раба, – вполне подойдёт для моей прогулочной галеры. И этот тоже.

Один из охранников отвязывает Немого от остальных и толкает по дороге в сторону города.

– Я буду выступать перед Владыкой, – кричит ему в след атлет, – и добуду свою свободу мечом! А ты так и сдохнешь рабом!

Немой поворачивает голову и грустно улыбается зазнавшемуся рабу: «Пусть боги помогут тебе», – и, почувствовав сильный толчок в спину, ускоряет ход.

Проходя через разноцветные стёкла, солнечные лучи оставляют на мраморном полу мерцающие блики. Вьющиеся по колоннам лианы с огромными цветами собираются зелёным ковром под высоким куполом дворца. Толстые стены сохраняют прохладу и свежесть, а цветущие растения распыляют тонкой волной нежнейшие ароматы. Гулким эхом раздаются далёкие шаги закованных в латы воинов и весёлый смех придворных дам. Журчание фонтанов и шелест заблудившегося в покоях ветра смешивается со звуками струн арфы и щебетом порхающих между цветов птиц.

Распахиваются широкие, покрытые золотым узором, двери и группа балтийских купцов неуверенной походкой заходит в тронный зал и тут же пестрящее разнообразие красок бросается в глаза поражённых роскошью северян. Привыкшие к серым блёклым холщовым одеждам и природной скромности своего края, их глаза на мгновение жмурятся от игры цветов шёлковых одеяний и блеска драгоценностей, сверкающих всеми цветами радуги и опускают взгляд на мраморный, сверкающий от разноцветных зайчиков, пол.

– Наши гости, видимо, шокированы? – приводит купцов в себя могучий баритон Владыки, гулом раздающийся в круглой зале.

Лёгкий смешок перерастает в мощные раскаты и, повторяемый эхом, заполняет весь купол здания, выплёскиваясь в многочисленные коридоры. Кажется, даже колонны содрогаются от раскатистого гула и вот-вот пустятся в пляс.

Разбуженные шумом птицы суетливо взлетают с верхушек лиан, пестря мелкими крыльшками и встревоженно щебеча.

Вдруг наступившая тишина заставляет купцов оторвать от пола взгляд и удивлённо оглядеться вокруг.

Мужчины, женщины, снова мужчины, снова женщины. Боги мои, сколько же их здесь? Торвальд останавливает взгляд на статном мужчине с поднятой ладонью, Владыке, затем переводит его чуть ниже, к лежащему у ног Владыке на золотой цепи зверю с длинной зубастой пастью, покрытому чешуёй.

– Мне сказали, вы привезли диковинные дары с севера, – продолжает Владыка, – но пока что вы сами вызываете удивление не только своим видом, но и поведением.

– Простите, сир, – встаёт на колено Торвальд, – но я и мои, – показывает он на купцов, – друзья так поражены великолепием твоего двора, что потеряли дар речи.

– Я вижу много сундуков, – встаёт мужчина с трона и спускается по мраморным ступеням к гостям. – Что за сокровища ты прячешь в них?

Слегка поклонившись, Торвальд открыл сундук и мастерски встряхнул шкурку чернуброй лисы, распушив каждую её шерстинку:

– Дары севера. Меха мягкие и пушистые, словно волосы твоих прекрасных женщин!

По залу разносится гул одобрения, вызванный такой похвалой. Однако, Владыка, небрежно взяв шкурку, проводит по ней рукой и бросает следующему за ним рабу:

– Зачем мне меха? В моей стране вечное солнце! – говорит он, надеясь смутить хвастливого купца.

Но тот, ничуть не смущаясь, распакивает второй сундук:

– Солнечный камень, – и, запустив руку внутрь, загребаёт пригоршню сверкающих камней, медленной струйкой высыпая их обратно.

И, к его величайшей радости, глаза Владыки начинают жадно блестеть. Наклонившись над сундуком, он выбирает один, самый большой камень, с застывшей внутри него крылатой мошкой и внимательно рассматривает его. Ему кажется, что каждая прожилка на крылышках насекомого, каждый волосок на её мелком тельце вот-вот оживут и она, открыв жёлтые глаза, взмахнёт и вылетит из своего заточения.

– Что это?– удивлённо спрашивает сир.

–Это?– Наклонив в знак уважения голову, купец протягивает ладонь и берёт камень в свою руку. – Это самый редкий экземпляр, повелитель. Тысячи лет назад эта мошка попала в ещё жидкую каплю смолы и не смогла выбраться. Годы и вода затвердили её, и теперь она может стать единственным, уникальным ювелирным украшением, достойным самой прекрасной женщины на свете.

– Я прикажу сделать из него перстень для моей жены, – громко провозглашает Владыка, рассматривая это сохранённое веками чудо.

– А это, – указывает Торвальд на следующий короб, – особый дар.

Он встаёт рядом с самым большим сундуком и подзывает к себе двух купцов. Те осторожно отпирают переднюю стенку ящика. В темноте слышится шуршание и тихие звуки. Стоящие вдоль стен люди с любопытством вытягивают шеи, стараясь рассмотреть, что же внутри. Владыка хочет наклониться, но Торвальд знаком останавливает его и тихонько стучит по крышке. Ещё чуть-чуть и на пол горделиво ступает мохнатая рыже-белая лапа, затем появляется рыжая мордочка с чёрным носом и с ушами, увенчанными кисточками. И вот величественная большая кошка с пятнистой спиной, прикованная за одну заднюю лапу золотой цепью к коробу, выходит и, свирепо скаля острые зубы, оглядывается по сторонам.

–Рысь. Дикая северная кошка, – коротко представляет её Торвальд и, поклонившись, отходит чуть назад.

Владыка восхищённо обходит вокруг рычащего на него зверя и, повернувшись к замершим от удивления и страха придворным, громогласно выносит вердикт:

– Она прекрасна!

– Она прекрасна, прекрасна, прекрасна, как прекрасна, – шепчутся между собой восхищённые люди.

– Она прекрасна, – повторяет Владыка, обращаясь к купцам и в этот момент Торвальд, чувствуя себя на вершине славы, понимает, что не зря столько лет терпел унижения, исполняя прихоти придворных Владыки, добиваясь тем самым быть представленным ко двору. И уж теперь – то он своего не упустит и звонкие монеты золотым дождём польются из их карманов в его закрома.

По колыхающим волнам золотой нивы ковыля медленно бредёт Старик с кривым посохом в руке.

Так же, как и много лет назад, когда нашёл он странное дитя в пещере и упокоил его мать, легка поступь его усталых от долгой ходьбы ног, ясен пробивающий темноту взгляд голубых глаз, светла дума мыслей его.

Брат говорил ему избавиться от этого ребёнка. Он что-то увидел тогда в ней. И это пугало его душу. Но Старик настоял на своём и отнёс младенца в племя славичей. «Они добрые, – сказал он тогда, – и вырастят её в доброте и послушании. И, какое бы ни было заложено в ней зло, если таковое и есть, оно искоренится само по себе до её зрелости».

И вот теперь её украли.

За несколько месяцев до полного очищения.

В том, что это были иирки, Старик не сомневался. Только они способны на такое коварство. Да и внезапное исчезновение из племени Ратибора явно указывало, что тут не обошлось без его вмешательства.

И это – то и беспокоило старца. Ещё слабое, не окрепшее сознание девушки под влиянием нового, дикого и злобного племени, могло вспомнить своё предназначение и перевернуть с ног на голову устоявшийся столетиями мир.

А, может быть, наоборот? Её светлая душа изменить их гниющую натуру?

Брат был сильнее его. Он мог видеть сквозь время. Что увидел он тогда в голубых глазах младенца?

Старик остановился, провёл ладонью по верхушкам пшеницы. И колосья, вытянув тяжёлые от крупного зерна головки, с новой силой потянулись вверх, наливаясь спелой силой и соком.

Наклонившись, Старик сорвал пару колосков, потёр их между ладоней и вдохнул ароматный запах созревающей пшеницы. Взмах руки- и светящимися крапинками зёрна, подхваченные ветром, полетели вверх, уносясь в небесные дали.

Появившаяся ниоткуда тёмная птица схватила одно из них и быстро проглотила, устремляясь за другими. Старик недовольно сморщился, и хотел было уже наказать плутовку, но увидел, как следом за ней появилась вторая, третья, четвёртая...

Кто – то задел развевающийся на спине плащ и, обернувшись, Старик увидел пронёсшую мимо него тень оленя, ещё не успев внимательно рассмотреть которую, он почувствовал прикосновение с другого бока.

Тень волка пронеслась и скрылась в ночной мгле далеко впереди.

Шорох травы у ног.

Колыхание пшеницы...

Один за другим мимо Старика бежали, скакали, ползли тени лесных тварей всех видов.

Стайка птиц пронеслась над его головой и Старик резко выбросил руку вперёд.

Одна из них, беспомощно махая крыльями, остановилась в воздухе, словно почувствовав петлю на своей шее, и, притягиваемая невидимой силой, стала медленно приближаться к Старику.

– Ты, птица говорливая, откуда летишь, какие вести несёшь и куда путь держишь? – тихо шептал старец, притянув её ближе.

Быстро порхая у его уха, пташка торопливо чирикала, поглядывая на улетающих соплеменников и, как только он отпустил её, стремглав бросилась их догонять.

– Так значит. Брат гонцов послал, – посмотрел Старик в сторону исчезающих в ночи зверей и, ускорив шаг, повернул в обратную сторону.

#### Глава 4

За крутым поворотом реки на каменистом берегу между треугольных шапок колючих елей высоко к небу тянутся тонкие спирали чёрного дыма. С первого взгляда кажется, что он идёт прямо из – под земли, густо усыпанной сухой хвоей. Но, если приглядеться по – внимательнее, можно увидеть тщательно замаскированные глубокие землянки, покрытые мохнатыми ветками, с небольшими отверстиями сверху, через которые и видно глубокое дыхание огня.

Единственным указанием на то, что это жилище, являются нависшие над входом тяжёлые шкуры и воткнутые в землю кольца с водружёнными на них высушенными черепами диких животных.

Неожиданно зазвучавший далеко, у самого берега набат разбудил тишину спящего леса, а вместе с ним и его жителей.

Из хижин дружно переглядываясь и, перешёптываясь друг с другом, стали выходить ирки:

– Единожды ударил. Из своих кто идёт. А кому идти? Вроде все в селе, на охоту никто не бег. Да нет. Это наверняка Ратибор. Он ещё с большого базара с Кантимиром утёк. С тех

пор и не видели. Сказал тоже! Ратибор! Как есть, сгинул! Сколько девень прошло? Тридесять, не меньше. Так и есть, сгинул.

Расталкивающая людей Кайра бросает гневный взгляд в сторону говорящих о её любимом мужчине и многозначительно кладёт сильную руку на рукоять свисающего с пояса ножа:

– Не болтай, коли не знаешь, – толкает она особо разговорчивого охотника в плечо. – Вернётся он. Как пить дать, вернётся. А каркать будешь, язык выдерну и не поморщусь. Вы меня знаете.

Мужчины тот час замолкают, но, как только женщина отворачивается от них, переглядываются:

– Ну его, себе дороже. Лучше думу при себе держать, чем потом век молчать.

На поляну, расталкивая толпу, выходит высокий крепкий мужчина с суровым лицом, длинным седым пучком волос на лоснящейся лысине и спускающимся до самой груди такими же белоснежными усами. Величественная походка, суровый взгляд и трость из берцовой кости лося, увенчанная золотым набалдашником в виде человеческого черепа уменьшенной копии выдают в нём вождя.

Иирки встают в плотное кольцо и выжидающе смотрят на него.

Стриборг, а именно так величают главу племени, высоко поднимает трость, обводя взглядом собравшихся и только хочет начать говорить, как человеческое кольцо расступается и в центр выходит Ратибор, Кантимир и закутанная в мохнатую куртку Йорка.

–Ратибор! Как в воду глядел! Кантимир! Друг! Где пропали? Ты ли? Как? Где был?– посыпались удивлённые вопросы со всех сторон.

Каждый из племени считает своим долгом пожать им руку, похлопать по плечу, сказать приветливое слово. Все рады приходу славного охотника и его друга.

И только на смущённую и испуганную пленницу, кажется, никто особо не обращает внимания.

Расталкивая толпу, Ратибор выходит к вождю и становится на одно колено, опустив голову и вытянув руку с зажатым в кулак кинжалом вперёд:

– Прости, что без ведома покинул племя. Приму любую кару, что будет назначена тобой.

Суровое лицо Стриборга согревает чуть заметная улыбка. Он слегка кивает головой и кладёт тяжёлую морщинистую ладонь на руку охотника:

– Рад видеть тебя живым и в добром здравии, друг, – и, бросив мимолётный взгляд на Йорку, продолжает, – вижу причину твоего отсутствия.

Вождь проходит мимо Ратибора, подходит к девушке и снимает капюшон с её головы:

–Надеюсь, она стоила того? – И он поднимает её голову за подбородок и внимательно осматривает лицо:

– Ты забрала сердце моего лучшего охотника, женщина.

Йорка смущённо поднимает глаза и быстро опускает взгляд:

– Я не хотела этого, – ворчливо отвечает она и бросает в сторону охотника недовольный взгляд.

«Что за дикие места? – осматривает она вкопанные в землю хижины и одетых в грубые шкуры людей. – Зачем я здесь? И кто я? Рабыня или жена? Боги мои, что за дикари здесь живут? Не зря батька говорил, иирки – дикие люди, зверям подобны».

Стриборг опускает руки, поворачивается к поднявшемуся на ноги Ратибору и насмешливо улыбается:

– Она не хотела тебя? Люди! – обращается он к племени. – Она не хотела его! Нашего Ратибора! Его, – вытягивает вождь в сторону охотника, – о котором хоть раз мечтала каждая из вас! Ну, друг, – смотрит он на Ратиборга, – ты теряешь хватку.

Громкий смех Стриборга смешивается с нарастающим хохотом толпы. Растерянный охотник оглядывается по сторонам и, среди смеющейся толпы, видит кипящую от злобы Кайру.

Тяжело дыша, женщина не спускает гневных глаз с Йорки, до крови сжимая острое лезвие своего кинжала, но почувствовав на себе взгляд Ратибора, быстро отворачивается и, расталкивая веселящуюся толпу, уходит в лес.

«Надо бы поговорить с ней», – думает мужчина и вздрагивает от неожиданного дружеского удара по плечу Стриборгом, поднявшем одну руку для успокоения толпы:

– Мы принимаем её!

Радостное улюлюканье и возгласы одобрения, смешанные с бряцаньем оружия и ритмичными хлопками ладоней о бёдра заглушают остатки смеха.

Прикрыв глаза, вождь рукой успокаивает иириков и, как только наступает тишина, продолжает:

– Сегодня была славная охота! Мы завалили дикого кабана. И наш друг вернулся с молодой женой. Готовьте жертвенный огонь! Нужно поблагодарить Богов за удачный день!

Ночь укутала мягким покрывалом спящий под звёздами лес. Птицы перестали петь песни, зверьки закрыли лапками носики в своих норках. И только светлячки сверкающим облаком перелетают от поляны к поляне, устремляясь навстречу яркому огню, мигающему далеко среди деревьев.

Там, на большой поляне, огромный костёр тянет свои горячие языки, смешиваясь с ночной мглой и освещая засохший от старости огромный дуб с острыми корявыми ветками, под тенью которого сидят главы племени.

Запах палёного мяса, идущий от коптящейся над ним туши кабана, уносится далеко вперёд, щекоча ноздри не спящих хищников. Их зелёные глаза жадно смотрят из-за отдалённых деревьев, готовые тут же растерзать зазевавшуюся жертву, но торжественные звуки барабанов и трещащие угли костра отпугивают их так же сильно, как сильно их чувство самосохранения. И голод заставляет их углубиться далеко в лес в поисках более доступной и менее пугающей пищи.

Дикий танец полуобнажённых мужчин и женщин вокруг костра завораживает своей простотой и ритмичностью. Десятки рук сливаются в одновременных хлопках и десятки ног одновременно притопывают по мягкой траве.

Кучками по рангам сидят иирики вокруг костра. Тут женщины – охотницы, там женщины-няньки, женщины-собираательницы, отдельная группа – старики, заслужившие почёт и уважение своими подвигами, а теперь обременённые одной работой – спокойно без особых забот доживать свой век да баловать внуков рассказами о былых временах. Самую многочисленную группу (и самую весёлую, надо сказать, по причине наиболее выпитого количества хмельных напитков) составляют мужчины племени. А самую малочисленную, но в то же время самую почитаемую – вождь, главы родов и лучшие охотники. Среди них – то и занимает своё место вернувшийся в племя Ратибор.

Йорка, определённая в группу собирательниц, укутанная в волчью шкуру по самые глаза, с интересом наблюдает за диким танцем и не замечает злобного взгляда Кайры, не спускающей глаз с соперницы.

Не радуется её хмельной мёд, не веселят дикие пляски. Затаилась в глубинах души непомерная обида, наложила на красивое лицо свою печать неприкрытая злоба. Не понять ей, что такого совершила она? Что сделала, что любый отвернул свой взгляд в сторону чужестранки?

«Зачем он притащил тебя? Разве мало было ему нашей любви? Разве не была я верной и страстной подругой? Разве не я предлагала перенести свой тотем в его хижину?»

– Не таи злость, Кайра, – тихий голос присевшего рядом Кантимира заставил женщину отвлечься от тяжких мыслей, – выпей вина.

Иирик протянул Кайре рог и пристально посмотрел на неё.

Не сводя глаз с мужчины, она медленно осушила рог до дна и вытерла тонкую струйку красного напитка, медленно стекающую от губ по шее в ложбинку между её груди:

– То – же мне, утешитель нашёлся.

– Как знаешь, – развёл руками Кантимир, – я как лучше хочу. Не мешай ему, коли любишь.

Женщина, прикрыв рот ладонью, грубо ухмыльнулась и, ту т же сжав губы, тихо зашипела в его сторону, наклоняясь ближе и ближе:

– Это он прислал, да? Что, у самого духа не хватило? С белою повёлся, так тряпкою стал?

Горячее дыхание винным ароматом обожгло лицо Кантимира и он отшатнулся, вставая:

– Да нет, я сам. И вообще, больно надо!

Пьяной походкой Кантимир уходит в сторону деревьев и сталкивается с Ведуном, чёрной тенью вышедшим из леса.

Кивнув головой, охотник идёт за дерево и там, спустив меховые штаны, задирает голову к небу:

– Вот всегда так! Хочешь как лучше, а получается... Ах, – облегчённо выдыхает он, и, испустив последние капли горячей струи, натягивает штаны.

У большого костра мужчины лакомятся жирными кусками мяса, срезанного с ещё утром бегавшего, а теперь зажаренного до чёрной корочки сочного кабана и запивают хмельным мёдом, смешанным со сладким вином.

– Она не похожа на наших женщин. Слишком тонка и бледна. Какой стрелой сразила она тебя, Ратибор? – Голос вождя спокоен, но в нём чувствуются нотки иронии и любопытства.

Действительно, что нашёл он, могучий охотник, в этом слабом создании? Или дерзкие соплеменницы, готовые постоять за себя не только на охоте, но и на брачном ложе, наскучили, и он ищет утеху там, где в его силе нуждаются? А, может, золотые локоны чужестранки ослепили зоркий взгляд, а ясные глаза загуманили его разум? В любом случае, Ратибор уже не тот суровый воин, коим ушёл. В его глазах смешались тоска и непомерная страсть, а тяжёлая дума наложила печать на некогда невозмутимое чело.

– Мы не подвластны выбору богов, ты же знаешь! – Тихо вздыхает мужчина и бросает взгляд на группу женщин, среди которых сидит его избранница.

– Некоторым он может прийтись не по вкусу.

Да, навряд ли местные девушки смирятся с тем, что сердце лучшего охотника забрала эта белолицая женщина. Стриборг находит глазами Кайру и прослеживает её взгляд, сверлящий закутанную в меха Йорку.

Взгляд разъярённого зверя, выслеживающего добычу.

– Да, знаю. Но Кайра мудрая женщина. Она поймёт, – и хотя ответ Ратибора уверен, всё же нотки сомнения выдают его озабоченность: «Нет, не та это будет Кайра, которую я знал и любил под сенью шепчущегося леса, если смирится и поймёт. Горяча может быть месть дикой охотницы. Так же горяча, как любовные стоны и крепкие объятия, обжигающие своим огнём влажные от пота обнажённые тела во время дикой и необузданной страсти».

– Но простит ли? – многозначительно спрашивает Стриборг, словно прочтя мысли охотника.

Из – за тени высоких елей на поляну выходит Ведун и подходит к главному костру. Завидев его, Стриборг и остальные поднимаются, кивают головами и протягивают ему пустой рог. Ведун достаёт из полога одежды острый нож, делает надрез на своей ладони, капает несколько капель в сосуд и передаёт его вождю, который повторяет действия гостя и передаёт рог по кругу другим мужчинам, так же делающим надрезы.

Наполнившийся сосуд отдают Ведуну, содержимое которого тот выливает под корни сухому дубу:

– Прими дар, великий Таур! Да будет царствие твоё вечно, да будет кара твоя справедлива, да будут дети твои любить тебя!– и, взмахнув руками, старик рассыпает в пространство триллионы сверкающих частичек, которые, пролетая между сидящими, поднимаются выше, укутывая собой сухие ветки древнего дерева.

И в этот момент время словно остановилось и замерло.

Йорка, с отвращением наблюдающая за происходящим, замирает от удивления, видя, как тонкие струйки алой жидкости бегут по засохшему стволу дерева, наполняя его зеленью и силой. Замолкают стуки барабана. Замирают в невероятных позах молодые танцовщицы. Йорка обводит взглядом всех присутствующих. Неподвижные, как каменные статуи, сидят ирки на своих местах. Мертвенная тишина окутала поляну так, что слышны только слабые сердцебиения мужчин и женщин, участвующих в магическом таинстве природы. Кажется, само время остановилось, что бы узреть свершающееся чудо. Молодые листочки быстро раскрываются на кончиках веток, поднимаясь всё выше и выше, к самой кроне. Ещё чуть – чуть и ветер уже играет листвой в ветках крепкого, наполненного молодостью дуба.

Шумы и ночные звуки так же неожиданно обрушились на ночной лес, как и наступившая ранее тишина.

Треск костра, пьяные смешки отдыхающих людей, шорок листвы...

Йорка смотрела вокруг и не понимала, неужели они ничего не заметили? Как будто ничего и не было минутой назад.

– Мы рады видеть тебя, Ведун. Будь гостем на нашем пиру. Выпей это, – протягивает Ведуну рог с напитком Стриборг.

Все на мгновенье замолкают и выжидающе смотрят на Ведуна. Тот берёт рог, мутит в нём пальцем и смачно обсасывает его:

– Вижу, боги не оставляют твоё племя, Стриборг.

Стриборг указывает гостю на место возле себя у костра и мужчины, потеснившись, пропускают Ведуна ближе к огню.

– Боги милостивы, кивает вождь. – Вот и сегодня одарили нас славной добычей. И мой лучший воин вернулся из долгого похода.

– Я рад за тебя. Но я устал с дороги и хочу отдохнуть.

– Мой дом – твой дом, – обводит рукой поляну Стриборг. – и лучшие девушки племени будут ласкать тебя всю ночь. Выбирай! Любая из них будет рада такой чести.

В группе молодых женщин, среди которых и Йорка, проносится весёлый трепет и они, взволнованно оглядываясь, поднимаются.

Встаёт и Йорка, ничего не понимающая, но повторяющая делать то же, что и другие, как и наказал ей Ратибор.

– Она не твоего племени, – указывает на девушку подошедший к ней Ведун.

Тело Ратибора судорожно напряглось и озабоченный взгляд метнулся по телу любимой. Нет, он не имеет права мешать, если выбор высокого гостя пал на его избранницу. Но как он может смириться с тем, что кто – то другой, а не он, будет ласкать её молодое, сладкое тело? Целовать её медовые губы, вдыхать аромат золотых волос? И ладонь сама тянется к свисающему у бока кинжалу, но Стриборг, метнув взгляд в его сторону, видит это.

Две пары глаз мгновенье смотрят друг на друга. И молодой человек, не выдержав властного взгляда главы, отводит глаза в сторону, крепко стиснув зубы.

– Ратибор привёл её из северных земель, – просто отвечает вождь, крепко сжав руку охотника.

Ведун вплотную подходит к девушке, пронзительно смотря в её глаза и Йорка, онемев от непонятого, захватившего всё её сознание, страха, как испуганная мышка, загипнотизированная ядовитым взглядом гадюки, не может отвести от него глаз.

А он, сверля взглядом всё глубже и глубже голубизну очей девушки, видит разгорающееся в них пламя, заполняющее всё вокруг, людей и странных существ, исчезающих в его огненных языках. И неведомая ему сила тихо шепчет так глубоко ему в голову, что он и сам не может понять, действительно ли это так, или ему просто кажется.

«Отпусти!»

И Ведун, словно испугавшись таинственного голоса, так и не спуская глаз с Йорки, вытягивает руку в сторону стоящей рядом черноволосой девушки:

–Ты!

## Глава 5

Серые тучи рыхлым покрывалом нависли над северной пустыней. Мелкие капли морящего дождя густым туманом опустились до штормящего моря, разбивающего волны о скалистый берег, с другой стороны которого раскинулась холмистая низменность, покрытая мхом и карликовым кустарником. Издалека она кажется унылой и безжизненной, но стоит подойти ближе к холмам, как открывается скрытый от посторонних глаз оплот дикой цивилизации.

С южной стороны каждого из холмов вертикально срезан пласт, уходящий разрезом на глубину полутора метров, а в срезе вырыта прямоугольная яма, теряющаяся в глубине холма, перед которым вымощенная плоским камнем площадка плавным подъёмом выходит на поверхность земли. Все стены перед входом в столь необычный дом плотно выложены камнями с высеченными на них иероглифами и знаками.

Тонкие ручейки падающего на землю дождя змейками сливаются по каменистым дорожкам и исчезают в узких рвах, ведущих к глубоко вырытому колодцу.

На вершинах холмов дымятся выложенные камнем отверстия и, если заглянуть в них сверху внутрь, то можно было бы увидеть уходящую глубоко вниз ровную каменную кладку, выложенную в форме трубы и переходящую в помещении в открытую с одной стороны печь с полыхающим в ней огнём.

Внутри стены помещения так же плотно выложены камнем, отчего тепло от огня задерживается дольше, стены хорошо прогреваются и в помещении сухо и тепло даже в дождливую погоду.

В полумраке, царящем внутри дома, яркое пламя огня освещает скромное убранство и несколько серых фигур людей.

На каменном стуле сидит седовласый Ротберг в чёрной одежде, с накинутой на голову меховой шапкой-капюшоном, открывающей лоб с выжженным на нём большим глазом.

Напротив него стоит укутанный в шкуры гонец иирков и испуганно смотрит в третий глаз иссида.

Сидящие у внутренней стены дома на плоских, покрытых шкурами, камнях, старейшины всеми своими тремя глазами смотрят в его сторону и выжидающе молчат.

–Старый Ведун с восточных побережий прислал срочные вести, – наклонив голову, гонец протянул запечатанный смолой свиток и отступил на шаг назад.

Головы старейшин тут же дружно повернулись к вождю и так же смиренно стали ждать его реакции. Невозмутимо наблюдая за его хмурящимся лицом, они видели, что вести гонец принёс не добрые, но этикет не позволял им первыми нарушить молчание и они вынуждены были терпеливо ждать, скрывая за масками равнодушия разрастающееся любопытство.

–Тургары, – начал Ротберг и, на мгновение замолчав, обвёл собравшихся взглядом, – тургары возродили свою мощь. Их армия насчитывает много тысяч конников, хорошо вооружена и готова к походу на запад. То есть на нас.

В наступившей тишине тихо потрескивал в очаге огонь, бросая отблески на застывшие фигуры старейшин, поверженных в глубокое раздумье от услышанной вести.

Действительно, было отчего задуматься.

Сотни лет молчали тургары, мирно выращивая своих овец в далёких степях. Напуганные полным разгромом в последней, давней битве, они долго зализывали раны, устраивая жизнь на новый уклад и запад, казалось, совсем и забыл о них.

Как оказалось, напрасно.

Что там у них произошло, что через столько лет молчания они снова готовы предъявить свои права?

– Их каюму, – после длительной паузы продолжил Ротберг, – удалось сплотить вокруг себя все кланы. Как пишет ведун, он молод, жесток, амбициозен и поклоняется тёмным богам, которых задабривает многочисленными человеческими жертвами.

–О!– выдыхают, переглядываясь между собой старейшины.

Конечно, всем им когда – то были известны тайные обряды. Но такие жертвоприношения стали строго запрещены после великой победы. И теперь о них можно было прочитать только в древних писаниях. Да и то это были лишь описания. А сами правила проведения таких обрядов были давно утеряны.

Или скрыты от глаз непосвящённых.

–Осмелюсь спросить, – начал один из старейшин, – но откуда молодой тургарин осведомлён о тайнах, которые были давно утеряны и забыты?

–Ведун пишет, – развёл руками вождь, – что птицы напели ему о том, как много лет назад в степь пришёл чужестранец, владеющий тайными знаниями. Думаю, он то и стал причиной такого преобразования тургар.

–Так, значит, быть войне?– тихо зашептались старейшины.– А верно ли всё то, о чём пишет ведун? Может, всё не так уж и плохо. Птички ему нашептали. Да мало ли что там звери шепчут.

–Тихо, – поднял руку Ротберг, – что расшумелись, как бабы на базаре? Тут языками не поможешь. Дело делать надо. Ведун, он, конечно, обо многом ведаёт. Но и в его словах может не быть промелькнуть. А потому... Вот моё решение. Зигфульд!

С места поднялся высокий пожилой, но очень крепкий мужчина.

–Ты, – обратился к нему вождь, – самый хитрый и мудрый среди нас. А посему поедешь посланцем к тургарам. Возьмёшь с собой ещё пару людей, да подарки соберёшь дорогие. Каждую шкурку проверь, каждый камешек осмотри. Что б ни сучка- ни задоринки не было! Своими глазами всё увидишь и сделаешь вывод, стоит ли нам чего опасаться или брехня всё это. А, как вернёшься, подумаем.

Тускло горящий в центре землянки огонь в круглом, выложенном камнями очаге, слабо освещает бревенчатые стены с висящими на них шкурами со звериными мордами. Блики пламени падают на звериный оскал и пустые глазницы и те словно оживают, наблюдая за прячущейся под мохнатым одеялом Йорку.

С улицы доносятся слабые отголоски пьяного веселья, тонушие в ночи.

Звуки приближающегося человека заставляют девушку глубже зарыться под шкуры и закрыть глаза.

В хижину, качаясь от непомерно принятой дозы спиртного, заходит Ратибор. Откинув полог, он оглядывает помещение и останавливает взгляд на замирающей от страха девушке. Помедлив, он тихо подходит к ней и, наклонившись, приоткрывает её лицо.

«Спит», – слабая улыбка нежности разглаживает суровые складки на лбу охотника. Нежно дотрагиваясь грубой ладонью до волос девушки, Ратибор тихо вздыхает и шепчет ей в самое ухо:

–Измучила ты меня своей нелюбовью. Измучила. Сил нет терпеть. Хотел бы сжать тебя руками своими, да боюсь обидеть тебя. Хочу ласкать тело твоё упругое, да боюсь отвергнутым быть. Что же ты делаешь со мной, душа моя ясная?

Выветрившиеся губы, едва касаясь, целуют золотистые локоны, спускаясь ниже, к тонкому изгибу шеи. Руки напрягаются, лаская плечи и спрятанные под холщовой рубахой упругие груди. Нестерпимое желание готово вот-вот вырваться наружу и овладеть желанной наградой.

«Ой, мамочки, – замерев от страха, думает Йорка, – хоть бы не выдать себя, глаза не открыть. Посмотри, коли сплю, глядишь и уйдёт».

–Нет, – резко, словно услышав её, встаёт Ратибор, – не хочу с тобой так. Хоть с кем, но не с тобой, – и, пошатываясь, падает на соседний лежак и закрывает глаза.

Сладкий сон окутывает мужчину. Но не великая охота снится ему, не кровавые туши раненых зверей, не бешеные скачки на лоснящихся от блеска коней вихрем проносятся в его сновидениях.

Несбывшаяся мечта слияния с любимым, таким недоступным сейчас телом окутывает всё его сознание. Два молодых тела, мускулистое загорелое и стройное, кровь с молоком, сливаются в диком экстазе под сенью шуршащего дуба на шелковой траве. Переплетённые ноги крепко держат друг друга, а страстные руки нежно ласкают обнажённые тела. Горячие поцелуи сладким мёдом накрывают их и уносят в мир сладострастия. Длинные волосы щекочут ноздри, мешая дышать.

– Любимая, – шепчет Ратибор, сжимая девичье тело.

– Да, мой единственный, – чувственно вторят ему крепкие губы и мужчина открывает глаза.

Наклонившаяся над ним Кайра крепко обнимает его своими сильными руками. Жёсткие тёмные волосы хлещут по лицу.

–Кайра?!– удивлённо отстраняется Ратибор.– Ты ? Я не звал тебя!

Ничуть не смущаясь его нежелания, женщина продолжает ласкать его лицо, сладостно прикрывая глаза и шепча ему на ухо:

– Зачем ты привёл её? Ведь нам было хорошо вместе. Разве не так?

Ратибор хочет убрать её руки со своей шеи, но не так – то просто это сделать с той, которая запросто может задушить своими пальцами молодую лань.

–Уходи, – почти просит он обессиленным голосом.

Но Кайра, словно не слыша его просьбу, резко садится на него верхом и одним порывом распахивает меховой жилет на своей груди.

Разрисованная синими узорами круглая грудь с торчащими от возбуждения сосками явно говорит о намерениях своей хозяйки:

– Но ты здесь, а она, – кивает девушка на спящую у другой стены Йорку, – там. Чему ты хочешь быть верен? Тем более, она ясно дала понять всем, что не хочет тебя.

Страстные губы Кайры крепко, до крови впиваются в губы мужчины, тело которого, изнывая от долгого воздержания, уже готово поддаться безумной страсти и его руки уже пробираются к влажной ложбинке между ног девушки в предвкушении эмоционального всплеска. Но в последний момент Ратибор грубо хватает не понимающую такой перемены девушку за волосы и отдёргивает от себя. Разгневанный на самого себя, он готов выплеснуть всю эту злость на свою коварную искустельницу и грубо отталкивает её:

–Уходи!

Кайра удивлённо смотрит на только что готового, а теперь вдруг передумавшего, отдаться ей мужчине.

– Она другая. И я... я не могу предать её.

– И что же? Люби её! Люби меня! Разве это запрещено? Или ты не великий охотник?

Да, хитрая бестия знает, как уколоть самолюбие мужчины, опешившего от таких слов.

– Твоё тело напряжено, ему нужно освободиться, – тихо шепчет она на ухо поверженному под её напором Ратибору и он, резко схватив её за талию, грубо подминает под себя, сжимая руками её кисти, и наваливается всем своим изнывающим от желания телом на её возбуждённые члены:

– Ты права, мне нужна женщина.

Грубо раздвинув Кайре ноги, всей своей мощью мужчина входит в её естество. Его руки больно сжимают её грудь, оставляя следы пальцев, а губы до крови кусают тонкую кожу шеи:

– Ты ведь так всегда хотела? Да?– шепчет Ратибор девушке и наотмашь бьёт её ладонью по лицу.

Но она, ничуть не отвергая его грубости, сладостно шепчет:

– Да! Да! Ты мой властелин! И моё тело – твоё! Моя кровь – твоя кровь!

Бросая отблески на разгорячённые тела, огонь окрашивает их в бронзовый цвет. Тонкие струйки солёного пота стекают с голов на напряжённые мускулы, переливаясь в свете огня.

Вечные игры полов!

Но в этой игре сошлись два равных соперника. Никто не хочет уступать другому в своей одержимости, никто не хочет показать свою слабость и поражение. И игры любовников перерастают в схватку борцов, победитель которой завладевает телом соперника, входя в него мощным клинком. И так снова и снова до тех пор, пока возбуждённые руки, срывающие остатки одежды и тела, кувыркаяющиеся на мохнатых шкурах, бессильно не упадут в бешеном экстазе на любовное ложе, а клочья вырванных в порыве страсти волос не разлетятся в стороны и не упадут на осторожно выглядывающую из-под одеял Йорку.

Сотрясаемая мощными ударами истосковавшегося по любовной страсти мужского члена, Кайра, отдавшаяся на милость победителя, чувственно улыбается и, повернув голову в сторону, сталкивается взглядом с подглядывающей девушкой.

«Видишь?– Говорит взгляд ирки. – Какая я? Горячая и страстная, как огонь. Нежность? Это не для него. Ты не нужна здесь, девочка».

Темнота.

Почти погас огонь в очаге.

Завывающий на улице ветер то и дело распахивает дверной полог, прокрадывается внутрь и заигрывает с остатками искр, на мгновение разжигая их мощь.

Йорка осторожно выбирается из под шкуры и оглядывается на спящих на соседнем ложе Ратибора и Кайру. Осторожно встаёт, хочет идти, но громкий храп мужчины заставляет её замереть и некоторое время не двигаться с места.

Тишина.

Девушка делает шаг, останавливается, оглядывается на Ратибора.

Спит.

Йорка делает ещё несколько шагов, становясь всё смелее и смелее.

Неожиданный треск сухой веточки на полу почти у самой двери заставляет девушку замереть и оглянуться назад.

Два чёрных глаза Кайры неподвижно и пристально смотрят на неё.

Йорка смущается и, не зная, что ей теперь делать, переминается с ноги на ногу, смотря на ухмыляющуюся ирку. Но Кайра широко улыбается и несколько раз слегка машет ей рукой, указывая на дверь. И славличанка отворачивается, делает шаг и снова вопросительно поворачивается к дикарке.

«Ну, что же ты? Иди, иди»,– жест Кайры настолько понятен, что та, слегка кивнув охотнице головой, осторожно выходит из землянки и направляется к лесу.

Сладко зевнув, Кайра кладёт руку на грудь мирно спящего Ратибора и закрывает глаза.

Мохнатые ели и заросли дикого шиповника тёмной стеной окружили деревню иириков и, что бы пробраться через неё, Йорке приходится почти проползать между колючими ветками, нещадно рвущими её одежду.

Высоко на дереве мигнули два жёлтых фонаря, и вскоре взмах могучих крыльев разрезал пропитанный ночной влагой воздух над головой девушки.

Она инстинктивно прикрыла голову руками и вжала в плечи.

Жалобный писк пойманной жертвы.

И всё. Снова тишина окружила Йорку среди чужого леса, заставляя испуганно озираться по сторонам. Тихо ступая по мягкой траве, девушка, углублялась всё глубже и глубже в лесную чащу

Вернуться? Нет, навряд ли она нужна там, в чуждой деревне. На мгновенье, тогда, у реки, когда Ратибор целовал её холодные губы, странные чувства дрожью пробежали по её телу. И впервые за долгие дни она испытала прилив нежности к этому суровому человеку, так заботливо оберегающего её. Но нет! Как она может? Он дикий варвар, укравший её из родного племени, вырвавший из рук самого милого и желанного парня.

Йорка остановилась и закрыла глаза. Мягкая улыбка открывшихся воспоминаний озарила её лицо.

Койву! Как мил и нежен он был с ней! Как добр и почтителен! Я знаю, ты ищешь меня! И мы обязательно, обязательно будем вместе.

Глубоко вздохнув, девушка открыла глаза и встретилась взглядом с парой жадных зелёных огоньков, сверкающих из-за передистоящих кустов.

«Волки»!— вихрем пронеслось в голове Йорке, и она в панике огляделась по сторонам, готовая к отступлению. Но и сзади и с боков на неё смотрели три, четыре, пять пар блестящих глаз.

Сколько же их! Целая стая! Нет. Она не сдастся без боя.

Из-за куста показался злобный оскал и, осторожно ступая и судорожно клацая зубами, на поляну вышел вожак.

Не сводя с него глаз, Йорка опустила ниже и нащупала рукой вросшую в землю толстую ветку, покрытую мхом. С силой дёрнув её, девушка потеряла равновесие и чуть не упала, пошатнувшись.

Это заметил вожак и уверенно двинулся ей навстречу.

– Не подходи, – твёрдо произнесла девушка, махнув на него палкой.

Не ожидавший сопротивления, волк остановился и, вытянув шею в сторону Йорки, громко клацнул зубами.

Ещё взмах, и он отступил назад.

Но, занятая отпугиванием вожака, Йорка совсем забыла об опасности сзади и не заметила, как одна из волчиц, тесно прижимая брюхо к земле, подползла к ней и рванула за подол рубахи.

–А-а-а-а!

Крик отчаяния разрезал ночную тишину.

– Прочь! Пошли прочь!

Удар сзади, и завывшая от боли волчица отползает назад, боязливо поджав под себя облезлый хвост.

Но ей на смену тут же делает выпад другой волк, третий, пятый...

Удар, ещё, ещё, ещё...

Пока ещё девушку спасает длинная рубаха, вихрем кружащаяся вокруг её ног, но ловкое зверьё так быстро отрывает от неё маленькие клочки, что вскоре им открываются стройные икры Йорки, бешено пульсирующие жилки на её ногах.

Одна слабая девушка и стая голодных волков.

Бой слишком неравен.

Силы покидают Йорку, и мысленно она уже просит богов радостно принять её в свои чертоги.

Но в этот момент...

## Глава 6

Дворец состоит из нескольких этажей, выложенных кольцом. Сам тронный зал и покои находятся на верхних ярусах, а на самом нижнем, почти врытом в землю, в своих комнатах – клетках живут рабы – гладиаторы и животные, предназначенные для боёв на арене. Таким образом, сама арена находится в центре кольца и, что бы наблюдать за представлениями, не нужно покидать пределы дворца, а можно просто выйти на залитые солнцем и украшенные цветами террасы, расположенные по всему периметру внутреннего здания. Обычные зрители-горожане тоже допускались на представления через несколько входов, расположенных по кругу и рассаживались на открытых террасах с первого по третий ярусы, подняться на которые можно было только со стороны арены. Эти террасы были надёжно защищены от нападений животных и гладиаторов тонкими железными сетками, через которые отлично просматривалась вся арена. На ней представления проводились не часто, а только по крупным праздникам, как в этот вечер. И, что бы попасть на него, нужно было или особое приглашение, или заплатить за вход, что, конечно, могли себе позволить совсем не многие.

Конечно, в городе были и другие арены, более доступные для посещения. Но и бои представлением на них уж точно не назвать. Просто кровавые боины без правил. Однако, уставшим от безмятежной жизни горожанам, они очень нравились и собирали толпы народа.

Вечерело.

Разряженные мужчины и женщины выходили на свои террасы, богатые горожане выставлялись в длинные очереди к входу.

На арене по периметру ставились высокие факелы.

В тесных клетках, расставленных по периметру, злобно рычали жаждущие ловкой добычи хищники.

Гладиаторы молились своим богам, уповая на победу или, в худшем случае, на лёгкую смерть.

На представление в ложу на самом верхнем ярусе, открывающем прекрасный вид на арену и на чёрное небо, мерцающие дальними звёздами, были приглашены и угодившие своими дарами купцы.

На центральном месте восседает, разумеется, сам хозяин с женой. Перед ним у его ног сидит несколько разновозрастных подростков, мальчиков и девочек, его детей. А по бокам – особые гости. Каждый раз они были новыми. Те, кто отличился в битвах, политике, сумел рассмешить или сделать достойный подарок. В общем, все, кто заслужил его особого внимания. Сегодня это были балты. Никогда не видевшие ничего подобного, северяне с высоты своего нахождения с нескрываемым любопытством наблюдали за копошащимися в низу людишками.

Солнце садится всё ниже и ниже.

Темнота поднимается выше и выше.

И вот, когда уже ничего не видно на расстоянии вытянутой руки, где то там, в низу, громогласно заявляет о себе оркестр, разрезая ночную тишину.

Громкими методичными ударами барабаны вещают о начале представления. Присоединившиеся к ним ревущие трубы и переливы струн мелодичным трепетом заполняют всё вокруг.

Купцы удивлённо переглядываются. На тёмной арене не то что людей, но вообще ничего не видно.

Но что это?

Не понятно откуда, но внизу вспыхну один огонёк, потом второй, третий... И вот уже десяток огней, испускаемых факирами изо ртов освещает всю арену и стоящих между ними на коленях танцовщиц, единственным одеянием которых являются лёгкие покрывала, накинутаые на плечи. Ещё мгновенье, и девушки разом распахивают сверкающие покрывала – крылья и неистовый танец, то возникающий под огненными фонтанами факиров, то поглощаемый темнотой, в полной тишине покрывает всю арену. Только редкие одновременные хлопки десятков ладоней танцовщиц нарушают покой странного танца. Звук барабанов прерывает тишину. Темнота.

Вспышки факелов.

Взмах крыльев.

Темнота.

Вспышка.

Обнажённые тела танцовщиц.

Темнота.

Темнота.

Темнота.

У невесть откуда взявшейся посередине арены деревянной стены с двух сторон стоят распятые верёвками по рукам и ногам обнажённые женщины. Вокруг них, образуя огненный круг, на одном колени стоят факиры, извергающие пламя в их сторону. А дальше – вторым кругом в широких огненно-красных шароварах, сверкая намазанными малом мускулистыми телами неистово прыгают танцоры с горящими голубым пламенем кинжалами в руках, приседая и выпрямляясь на пружинистых ногах.

Замолкают трубы, затихают струны и только барабанная дробь и ритмичные хлопки огнедышащих факиров нарушают тишину, нависшую над объятую безумным танцем огня арену.

Р-раз – и первые лезвия, объятые пламенем летят в сторону прикованных женщины и вонзаются прямо над их головами.

Ни один мускул не задрожал на их лицах, ни одна мышца не дёрнулась на их телах.

Глухой стон удивления и восхищения.

Р-раз! Второе, третье, четвертое... Одно за другим из рук умелых танцовщиков лезвия стремительно свистят в воздухе и вонзаются острыми концами в тонкое дерево в миллиметре от застывших девушек, образуя горящий контур их тел, сжигая связывающие их по ногам и рукам верёвки.

Женщины спускаются с постамента и горделивой поступью проходят мимо застывших в поклоне факиров и танцовщиков.

Арена взрывается сотнями тысяч аплодисментов восторженной публики.

Столб огня на месте стены неистовым пламенем тянется к небу и превращается в чёрные головешки ещё до того, как десятки артистов покидают сцену, последние из которых растворяются в нарастающей темноте.

Мелкая барабанная дробь заглушает крики зрителей, десятки факелов загораются по периметру арены, превращая ночь в день, и гладиаторы стройными рядами выходят на песок.

Спрятанные в развешанных на стенах стеклянные банки свечи, освещают каменную комнату и огромный стол с аккуратно расставленными на нём формочками, баночками, кистями, разного размера резаками и многочисленными закрытыми коробочками с цифрами и буквами.

На единственном стуле сидит Ювелир и, зажав одним глазом большое круглое стекло рассматривает в него кусок янтаря с застывшей в нём мошкой.

– Поразительно, – тихо восхищается он, рассматривая каждую ворсинку на теле насекомого, – просто поразительно! Какая чудная работа. Нет, ты посмотри, – обращается он к вошедшему в комнату, одетому в длинный лёгкий балахон мужчине.

Тот быстро подходит к ювелиру и берёт протянутый ему камень.

– Ни один мастер, из тех, кого я знаю, не способен сделать такую красоту, – продолжает восхищаться ювелир, – как всё – таки нам далеко до её величества природы, до её мастерства и умения. Как думаешь, что можно сделать из этой диковинки?

Ювелир с интересом смотрит на рассматривающего камень мужчину, потом смущается и отводит взгляд:

– Прости. Не привык ещё.

Мужчина улыбается ровными зубами, отдаёт ювелиру камень, берёт кусок угля и быстро рисует на пергаменте. Несколько чёрточек и причудливых завитушек и на листе вырисовывается эскиз массивного кольца, который мужчина протягивает ювелиру.

Ювелир с интересом рассматривает рисунок, и, тихо бормоча, добавляет несколько деталей:

– Способный ты. И не грех, что немой. В нашем деле это даже хорошо.

Внимательно рассмотрев эскиз, ювелир одобрительно кивает:

– Ну вот, как – то так. Ты это, – обращается он к Немому, – приberi здесь и ложись там, – кивает он в сторону угла на старый ковёр.

На освещённой факелами арене, издавая устрашающие крики, звеня оружием и играя накаченными мышцами, проходят ряды профессиональных гладиаторов.

Иссиня-чёрные и шоколадно-коричневые, абсолютно белые и отливающие краснотой и желтизной тела восхищают публику своей красотой и силой. Каждый из них уверенный в своей непобедимости и могуществе, с презрением смотрит на соперников, уходя один за другим в тренировочные залы арены в ожидании сражений.

Перед зрителями из стены медленно выползает прочная решётка, ограждающая их от арены.

А пока для разогрева жаждущих крови зрителей на арену выгоняется разношёрстная толпа осуждённых за совершённые преступления жителей города. Никогда не видевшие крови воры и жестокие убийцы, мелкие жулики и насильники, не признающие ласки женского тела, объединяет лишь одно.

Страх.

Страх неизвестного.

Страх гибели от неизвестного.

Сбившись в тесную кучку, выталкивая вперёд более слабых, с ужасом они озираются по сторонам, ожидая кары.

Звериный рык из-за железных ворот заставляет дрожать их тщедушные тела и сильнее прижиматься друг к другу.

Глухой мощный топот содрогает землю и на арену вырывается...

Купцы с удивлением переглядываются:

– Что это? Или кто? Ну и урод!

Публика на нижних ярусах, выдохнув вздох ужаса, откидывается назад.

Трёхметровый ящер на двух мощных лапах с длинным хвостом, на конце которого в разные стороны торчат шипы и уродливой мордой с двумя рядами острых клыков злобно ревет, пытаясь освободить лапу от сковывающей его толстой цепи, мешающей добраться до трепещущего перед ним жуина.

Служки ослабляют цепь и чудовище бросается на беззащитных людей. Кто-то, не выдержав психологического натиска, бросается бежать, других сковывает страх, и они падают на песок там же, где и стояли.

А ящер, разинув огромную пасть, извергающую вонючую слюну, над несчастным, хватая его зубами, подбрасывает верх и, вытянув шею, ловит его дрыгающее ручками и ножками тело.

Мгновение – и то, что когда-то было человеком кровавыми кусками падает в его желудок, легко пройдя по пищеводу.

–Ах!– выдыхает поражённая публика.

Молодой мужчина спотыкается, падает на спину и, увидев занесённую над ним лапу, пытается отползти. Но тёмная тень нависает всё ниже и ниже. Истошный крик замолкает так же резко, как и начинается и только мокрое пятно на песке напоминает зрителям о том, что здесь кто-то лежал.

–Сожри их!– кричит с трибуны пожилой мужчина, высунув руку в проём между решётками.

Ящер резко поворачивает морду в его сторону.

Круглые жёлтые глаза дикого зверя встречаются с выпученными от возбуждения, жаждущими кровавого зрелища глазами человека.

Звериный оскал лица и струйка слюны, текущая из уголка рта по гладко выбритой челюсти, высоко вздымающаяся под одеждой грудь... Всеми своими мыслями человек там, внизу разрывает тела несчастных, измазываясь в их тёплой крови, наслаждаясь их истошными криками.

Ящер медленно приближает морду к решётке и мужчина, мгновенно превратившись из кровожадного охотника в испуганную жертву, и, закрыв лицо руками, падает назад, на подхвативших его спину зрителей.

Рывок цепи служкой заставляет чудовище взреветь и обернуться в сторону арены, по которой носятся, падают, ползают, ища убежище приговорённые.

Вот они! Люди – цари природы!

Как ничтожны и малы перед лицом смерти!

Мощный удар унизанного шипами хвоста отбрасывает в сторону группу разорванных тел так высоко, что некоторые из них ударяются о защитные решётки и люди, стоящие за ними, с криками ужаса и восхищения на мгновение отступают назад, вглубь ложи.

Настигая своих жертв огромными мощными шагами, сотрясающими землю, чудовище бьёт их одного за другим шипами своего хвоста. Он рвёт их зубами, передними коротенькими лапами и отправляет целиком или по частям в отражающую на зубах огонь пасть до тех пор, пока только мокрые пятна и остатки разорванных тел не останутся на взрыхлённом ногами песке.

Насытившееся животное удовлетворённо взывает и, звучно цокнув зубами, в развёлочку покидает арену, оставляя глубокий след на залитой кровью арене, подбирая по дороге недоеденные куски.

Мгновенье тишины и тысячная толпа удовлетворённых зрителей взрывает своды бурными аплодисментами и восхищёнными криками.

Побелевшие от увиденного северные купцы вытирают выступившую испарину с висков, испуганно переглядываясь друг с другом.

–Что это было?– дрожащим голосом спрашивает Торвальд у сидящего рядом с ним весело присвистывающего мужчины в дорожных одеждах.

–Это? А! Так! Для разогрева. Самое – самое должно быть дальше, – как ни в чём не бывало, отвечает тот, подмигнув купцу.

«О, боги! Что может быть ужаснее?»– вздыхает Торвальд и, словно отвечая на его немой вопрос, на арене появляются ряды хорошо вооружённых гладиаторов.

## Глава 7

В то время, как публика неистовствует от происходящего на придворной арене, по причалу, низко согнувшись, оглядываясь по сторонам, замотанный с головы до ног в длинный тёмный плащ в деревянных башмаках крадёт человек.

Проходя мимо стоящих кораблей, он внимательно прислушивается к разговорам, слышимым с палуб.

На одной из них, покуривая длинную трубку и сложив ноги одна на другую, сидит Малыш и с умным видом рассказывает собеседнику, хлебающему похлёбку из деревянной чашки, о своих впечатлениях от иноземного двора.

–И что, как там, у Владыки?– отхлебнув в очередной раз и шмыгнув сопливым носом, с интересом спрашивает Дохлый.

Человек, крадущийся по причалу, прислушивается к разговору и, оглянувшись по сторонам, снимает с себя плащ, аккуратно сворачивает его, привязывает к спине, туда же привязывает деревянные башмаки и, быстро нырнув в воду, плывёт вдоль судна.

Малыш, глубоко вздохнув, важно посмотрел на парня и так просто, будто для него это такая же истина, как каждый день палубу драить, ответил:

–Бабы почти голые.

Дохлый судорожно сглотнул слюну и отставил чашку в сторону, пододвинувшись ближе к рассказчику:

–Да ну!

–Точно говорю! Пусть боги меня покарают, коли вру!– бьёт себя в грудь Малыш.

Дохлый, качая головой, встаёт, поднимает чашку с недоеденной похлёбкой и, направляясь к борту корабля, тихо шепчет:

–Надо ж, голые! Это как, – поворачивается он к Малышу, – совсем, что ли?

–Да нет! Чуть прикрыты.

–Как так?– Удивляется Дохлый и выливает похлёбку в море.

Тонкой струйкой жёлтая жижа льётся прямо в море недалеко от плывущего мимо корабля мужчины.

–И титьки из одежды выглядывают. Пышные такие. Мягкие.

– А ты что, щупал, коли так говоришь?– недоверчиво спрашивает Дохлый, возвращаясь на место.

Мужчина за бортом видит свисающий с палубы якорный канат и быстро взбирается по нему на верх.

–Ну, – начинает Малыш и замолкает, прислушиваясь.

–Чего?

– Да так, показалось, – машет рукой Малыш и задумывается: « А классные у неё всё – таки были титьки. И жопа так, соченькая. Надо бы с Дохлым сходить».

–Чего замолчал то?– нетерпеливо дёргает задумавшегося Дохлый, в упор смотря на него в жажде продолжения интересной темы.

– Чего?– огрызается недовольный прерванным воспоминанием Малыш.

– Ну, так чего эти, бабы ихние, хорошенькие?

Незнакомец ловко перебирал худыми, но, по всему видно, крепкими руками по якорному канату, как вдруг почувствовал, что плохо закреплённый на его спине башмак неожиданно слетел и тихо булькнул в морской воде.

Мужчина замер.

Малыш прислушался, встал и, подойдя к борту, перевесился через него, вглядываясь в чёрную гладь воды.

Неизвестный плотно прижался к корпусу корабля, схватившись свободной от каната рукой за прорезь для вёсел на верхней палубе.

– Рыба, наверное, – тихо пробормотал Малыш и повернулся к собеседнику, – ну, это, как сказать... Чернявые все.

Мужчина тихо выдохнул и, уцепившись за проёмы в корпусе, ловко стал перебираться по боку корабля в виднеющееся чуть дальше открытое окно капитанской каюты, прислушиваясь к разговору на палубе.

– Говорят, танцевать мастерицы? – продолжил расспрашивать Дохлый друга.

Малыш пожимает плечами:

– Может и так. Да только танец – не танец.

Он останавливается и пытается крутить круглым животом и бёдрами в разные стороны:

– Так, животом туда- сюда, туда – сюда...

– Ишь, ты!.. Так уж и животом?

– Так и есть, как говорю! А живот то, знаешь ли? Голый!

– Это как? – удивляется Дохлый.

Малыш подходит к одной из бочек, прикрученных к палубе, выдергивает из неё пробку, наливает в висящую тут же на верёвке кружку тёмную жидкость и, громко глотая, выпивает. Вытерев рукавом грязной рубахи губы, затыкает дырку и смотрит от сгорающего от нетерпения друга:

– Ну, это, как его. Юбка у них такая, что б пузо открытое было. Что б пупок видать. И сиськи, как тесто из кадки, торчат.

– Чего?

– Ну, знаешь, как бабы наши тесто в кадке мешают, а оно потом лезет-лезет. Вот и тут. Будто выросли, а в натитник не помещаются. Вот и лезут наружу.

Дохлый недоверчиво смотрит на друга и машет рукой:

– Да врешь ты всё! – и, надвинув шапку на глаза, всем своим видом показывает, что разговор закончен.

– Не веришь? – обижается его собеседник, – сам сходи! У них на площади и не такое увидишь! – И Малыш, махнув в его сторону, качающейся походкой направляется в трюм.

– Смотри, схожу ведь! – не открывая глаз, кричит Дохлый и широко зеваает.

– Сходи, сходи! – отвечает моряк и спускается в низ.

Поднявшийся на уровень открытого окна каюты неизвестный, заглянув в него, быстро нырнул в пустую тёмную комнату и, осторожно ступая босыми ногами, прошёл к двери.

В то время как Немой, а это именно он так благополучно прокрался на борт к балтам, пробрался из каюты капитана в грузовой отсек корабля, на арене начиналось главное представление.

В свете факелов на арене, играя накаченными изнурительными тренировками мышцами и сверкая начищенными до блеска латами, появились гладиаторы.

– В те далёкие времена, – раздался звучный голос трибуна, – когда ящероголовые поработили жителей земли, с небес пришло спасение. Белые люди нашего образа и подобия спустились на сверкающих кораблях с небес и началась великая битва.

Из ворот на арену вырываются огненные колесницы с привинченными к ним длинными острыми лезвиями, запряжённые вороными лошадьми, под восторженные крики зрителей делают круг почёта и останавливаются вдоль стены.

Гладиаторы, выстроившись стройными рядами, поднимают над головами отражающие блеск огня щиты и готовятся к отражению атаки.

Мелкий топот, смешиваясь со звериным рёвом, гулом отражается на арене амфитеатра, и на сцену в клубах песка вырывается стадо зубастых ящеров в человеческий рост.

– Стена!

Гладиаторы делают одновременный шаг, выставив щиты вперёд. Зеркальный свет слепит глаза ящерам и те отступают назад, к тёмным туннелям, ведущим в подземелья амфитеатра.

И тут же огненные колесницы срываются с мест в самую гущу чудовищ. Острые лезвия на колёсах рубят тела и лапы.

Крики боли смешиваются с криками озверевшей публики.

Спасаясь от колесниц, ящеры бегут в центр арены. И там наступает самая настоящая бойня между людьми и животными.

Острые зубы против наточенных мечей.

Животная ярость и человеческая хладнокровность.

Разорванные части людских тел и отрубленные конечности животных.

Крики людей, рёв животных, ржание задранных лошадей, звон стального оружия...

Всё смешалось в одну большую кровавую массу, из которой то и дело вырывается очередное окровавленное человеческое тело, падает на песок и разрывается острыми зубами налетевших чудовищ. Толстая чешуйчатая кожа рубится на мелкие куски, покрывая синей жидкостью взмокший песок. Завалившаяся на бок лошадь обезумевшими от боли глазами пытается сбросить с себя грызущих её животных, вытягивающих из её живота длинную вереницу кишок. Несколько гладиаторов подкрадываются к пирующим её телом ящерам и яростно рубят их.

Объятые пламенем от колесниц, по песку катаются бесформенные тела.

Пот и кровь.

Кровь и дым.

Смерть.

Ещё немного и на арене, среди кусков разрубленных и дымящихся тел, ранее бывших людьми и животными, остаются несколько окровавленных человек с мечами, измазанными голубой кровью и рёв обезумевшей от вида крови публики, удовлетворившей животные страсти, служит им наградой.

## Глава 8

Серебристый изгиб месяца освещает и без того залитую светом от сотен костров степь с возвышающимися над ней сторожевыми башнями.

Запах жарившейся на вертелах и кипящей в котлах баранины разносится далеко за чернеющие вдалеке курганы и заманивает голодных хищников ближе, щекоча соблазнительным ароматом их ноздри.

Однако пылающие языки пламени, разбрасывающие в ночное небо горящие искры, пугают их, и голодные звери сверкают зелёными глазами, прячась за высоким сухим ковылём, и облизывают пересохшие пасти, злобно дёргая ими и наблюдая за сбившимися в табун лошадьми и блеющими в загоне баранами. Те, чуя доносящийся из-за курганов запах опасности, косят в темноту тёмными глазами и тревожно ржут, оббивая бока жёсткими нитями хвостов.

Один из волков, подгоняемый то ли голодом, то ли отчаянной смелостью, тесно прижавшись брюхом к охлаждённой наступающей осенью земле, показал из сухостоя мокрый чёрный нос, принялся и, направив облезлое тело, пополз в манящую овечьими запахами сторону.

Однако, не смотря на быстроту и ловкость, полакомится зверю всё – же не удалось. Крадущегося хищника сразил меткий выстрел стоящего на сторожевой башне тургара.

–Эй, на земле!– крикнул он с высоты своего нахождения. – Кажись, подстрелил кого, посмотри там!

Один из дремлющих у костра воинов приоткрыл глаза и, отряхивая бока от прилипших к ним сухих травинок, встал и направился в указанную часовым сторону.

Пройдя несколько десятков шагов, он увидел у холма чьё то темное тело, прижатое к земле и, вытащив из-за пояса кинжал, пригнувшись, подошёл ближе.

–Волк!– крикнул воин, подняв зверя за задние лапы.– Шкуру спущу, хорошая шапка будет!

– Чего это ты?– возмутился часовой.– Я подстрелил, мне и шапка! А ты вон, башку забирай.

Среди отдыхающих воинов на крепком коне проезжает Курдулай в сверкающей, состоящей из сотен скреплённых чешуек, золотой кольчуге. Длинный стальной меч, закреплённый на боевом поясе, методично бьёт ножами по его бедру, а свободная от узды рука спокойно лежит на коротком кинжале с резной рукоятью.

За ним едут ещё несколько, более скромно снаряжённых воинов, ведя за собой вереницу светлокочих девушек в длинных холщовых рубахах, закутанных в звериные шкуры.

Отрезающие длинные полоски жареного мяса, воины прерывают трапезу, оглядываясь на северных красавиц.

– Вот поедим в поход, – говорит один из них, плюгавенький мужичок невысокого роста и хлюпкого телосложения, – такую же себе возьму, – и, причмокнул, закрыв глаза.

–Чего?– вскипятилась мешающая в чане похлёбку толстая женщина с тонкой полоской рыже – чёрных волос над губой. – Вот я тебе!

И бьёт незадачливого мечтателя большой деревянной мешалкой. Дружный смех сидящих воинов приводит в смущение мужчину, и он начинает оправдываться:

– Ну, чего вот так сразу? Уж и подумать нельзя! Сразу бац – по шапке. А я, между прочим, мужчина, мне баба подчиняться должна.

–Вот я тебе сейчас, – грозит мешалкой женщина, – покажу, кто кому чего должен! – И начинает колотить его мешалкой куда попадая.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.